

Факторы социально-экономического развития частично признанных и непризнанных республик Кавказа

А.Г. Шеломенцев¹, К.С. Гончарова²

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

² Институт экономики Уральского отделения РАН

В основу настоящего исследования положена гипотеза о наличии частных и общих факторов, обуславливающих динамику и тенденции эндогенного развития трёх непризнанных и признанных частично республик Кавказа – Республики Южная Осетия, Республики Абхазия и Нагорно-Карабахской Республики. Цель работы заключалась в выявлении ключевых факторов и оценке перспектив социально-экономического эндогенного развития непризнанных и признанных частично Республик Кавказа. В исследовании были использованы методы компаративного и статистического анализа (однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) и расчёт критерия Краскела-Уоллиса). Основу базы данных составил набор показателей Целей в области устойчивого развития (ЦУР) за период с 2007 по 2019 гг., предлагаемый ООН в качестве универсальной сбалансированной системы глобальных детерминант, обеспечивающих устойчивое развитие стран мира. В результате исследования были установлены различия в фактически достигнутых уровнях показателей, характеризующих ЦУР, чему способствовало изначально дифференцированное социально-экономическое положение каждого государства (эффект дифференцированной базы). При этом выявлено, что динамика развития республик Кавказа носит в целом схожий характер, что предопределяет общность тенденций их будущего (при сохранении текущих условий и обстоятельств). Полученные в ходе исследования результаты расширяют представление об особенностях развития непризнанных и частично признанных государств. Практическая значимость состоит в возможности учёта раскрытых выше особенностей саморазвития при обосновании направлений совершенствования государственной социально-экономической политики исследуемых республик, а также повышения эффективности реализуемых совместно с РФ инвестиционных программ содействия социально-экономическому развитию РЮО и Республики Абхазия.

Ключевые слова: частично признанные государства, государства де-факто, социально-экономическое развитие территорий, факторы саморазвития, республики Кавказа, Республика Южная Осетия, Республика Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика

УДК: 327

Поступила в редакцию: 10.08.2021 г.

Принята к публикации: 11.10.2021 г.

Теоретическая возможность выделения территорий из состава суверенных государств была осознана в эпохи Возрождения и Просвещения (Heraclides 2020), а в современной истории высказывалась в начале XX в., после завершения Первой мировой войны – в проектах мирных договоров: В.И. Лениным в Декрете о мире и В. Вильсоном в его послании к Конгрессу США «Четырнадцать пунктов»¹ (Иванян 2001: 117–118). Правовые основы подобного отделения были заложены уже во второй половине XX в. в Уставе ООН, где провозглашён принцип самоопределения народов. По замечанию А. Гераклидеса, данное положение стало «одним из важнейших, но также и одним из наименее ясных принципов международного права и практики» (Heraclides 2020: 11). С подъёмом в 1960-х гг. волны деколонизации в новых странах стали множиться вооружённые конфликты, вызванные нарастанием сепаратистских движений. Процесс деколонизации в определённой степени вышел из-под контроля международного сообщества. К концу 1960-х гг. трактовка и сфера применения принципа самоопределения Устава ООН была расширена принятием Международного пакта о гражданских и политических правах (1966), Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (1970) и Заключительного акта Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975). Как отмечает Гераклидес, данные документы «расширили самоопределение ..., не исключая даже отделения при определённых условиях» (Heraclides 2020: 12). Эти акты стали стратегическими инструментами ведения холодной войны, позволяя выводить территории из-под контроля стран противоположного блока, дестабилизируя их социально-экономическое положение и расширяя список собственных союзников. В результате к концу холодной войны произошла существенная фрагментация европейского, кавказского и среднеазиатского пространства. При этом одним из ключевых документов международного признания новых государств стала Декларация о руководящих принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе (1992). С 1990 г. было образовано около² 14 государств и две автономные области, непризнанные и частично признанные на международном уровне, большинство из них – бывшие республики СССР.

В настоящее время проблема непризнанных (признанных частично) государств связана с двумя ключевыми аспектами: с одной стороны, политическими вопросами и практикой их решения, с другой – с социальными и экономическими сферами, определяющими устойчивость этих политий.

Непризнанные государства существуют в условиях всесторонней (правовой, финансовой, экономической и т.д.) международной изоляции. Несмотря на

¹ Иванян Э.А. 2001. *Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX века*. Авт. и сост.: Э. А. Иванян. Москва: Международные отношения. 692 с.

² Сложность подсчёта заключается в страновых различиях в подходе к статусу государства (считать его признанным или непризнанным).

поддержку части государств (в том числе государства-покровителя), самопровозглашённые политии вынуждены, исходя из присущих данной территории особенностей, заниматься трудными поисками ресурсов для своего развития, что установлено нами на первом этапе настоящего исследования.

Обобщение отечественных и зарубежных исследований позволило нам выделить две группы факторов социально-экономического развития непризнанных (признанных частично) государств.

Первая группа – экзогенные факторы, обеспечивающие внешнюю поддержку рассматриваемых государств. В этой группе выделим, во-первых, степень международного признания, от которой зависит доступ к международной финансовой помощи и прямым иностранным инвестициям (Caspersen 2015; Harzl 2018; Oltramonti 2020; Pegg 2015; Кислая 2017). Кроме того, граждане непризнанных (частично признанных) государств не могут выезжать в страны, где их документы не считаются действительными. В этой связи с 2012 г. для населения Абхазии и Южной Осетии правительство Грузии выдаёт нейтральные к статусу документы. Однако в Европейском союзе такие документы принимают только страны Центральной и Восточной Европы: Румыния, Польша, Болгария, Словакия, Чехия, Эстония, Латвия, Литва и Венгрия.

Во-вторых, наличие внешнего покровителя (Caspersen 2015; Doboš и Riegl 2020; Oltramonti 2020; Qvortrup 2020). Помимо возможности отстаивать на международном уровне права непризнанного или частично признанного государства, государство-покровитель оказывает и прямую экономическую помощь (Beacháin 2016). Заслуживает внимания замечание профессора М. Квортрупа о мотивах, которыми руководствуется внешний покровитель: успех референдума о независимости определяют не приверженность его организаторов демократической идеологии и не явка населения; главное – поддерживается ли отделение, отвечает ли интересам Великобритании, Франции или США (Qvortrup 2020: 52).

В-третьих, степень межрегиональной целостности (Бородин, Ерохин 2015; Жариков 2015): для непризнанных территорий эта характеристика важна при выстраивании внешних отношений (Relitz 2019). В некоторых случаях непризнанные государства могут располагать уникальными преимуществами (Toomla 2016): например, для Южной Осетии такое преимущество обеспечивает стратегическое положение на Транскамской дороге, соединяющей северную и южную стороны Северо-Кавказского хребта (Oltramonti 2020).

Вторая группа – это эндогенные факторы, обеспечивающие самостоятельное развитие территорий: институционально-правовые, финансово-экономические и социально-демографические. К институционально-правовым факторам принято относить степень достаточности и разработанности нормативно-правовой базы внутренней легитимности органов власти (Ambrosio 2016; Blakkisrud 2012; Caspersen 2015; Ворошилов 2017), а также обеспечение безопасности жизнедеятельности граждан (Вакке 2018; Pegg 2015). Институционально-правовые факторы играют ключевую роль на сложном этапе становления нового госу-

дарства, формируя стабилизационную основу, на которой в дальнейшем будет протекать процесс экономического и социального развития.

К финансово-экономическим факторам относят, с одной стороны, устойчивость бюджета, а именно его способность поддерживать динамику внутреннего социально-экономического развития (Минаков 2020; Найденкова 2017) и связанную с этим эффективность налоговой политики (Olsson 2020); с другой стороны – динамику развития предпринимательства, в том числе социально ориентированного (Колосовский 2010; Торопушина 2018).

Социально-демографическими детерминантами считаются: характер социального взаимодействия между государством, представителями бизнес-общества и населением (Тишкина 2017), уровень жизни населения (Беляев и др. 2015; Молчанова 2013), включающий социальную поддержку (Caspersen 2015), обеспечение и поддержание развития человеческого капитала (Башмакова 2019; Корчак, Скуфына 2018; Молчанова 2013; Сятчихин 2015; Торопушина 2018), в том числе посредством поддержки науки и образования (Ayunts et al. 2016; Румянцев 2015; Ковальчук, Степнов 2019).

В каждой стране состав, а также степень и характер влияния представленных факторов уникальны.

Большинство исследований непризнанных государств посвящено социально-политическим аспектам, оценка которых опирается на использование качественных методов. Часто проводится сопоставление институционального и социально-экономического положения до и после провозглашения независимости. Такая методика позволяет выявить основные причины и последствия отделения, однако не даёт возможности установить особенности внутреннего развития государств.

Обзор научных публикаций по проблемам непризнанных или частично признанных государств показывает, что теоретико-методологические и практические аспекты статуса данных государств освещены в значительной степени, тогда как вопросы их социально-экономического развития изучены весьма слабо.

Исследование

Гипотеза данного исследования заключается в положении об общности и дифференцированности состава и значимости социально-экономических факторов, обуславливающих динамику и тенденции эндогенного развития непризнанных (частично признанных) государств, образовавшихся после распада Советского Союза на территории Кавказа. Цель апробации указанной гипотезы состоит в выявлении ключевых факторов и оценке перспектив социально-экономического эндогенного развития частично признанных республик. Объектами исследования выбраны Республика Южная Осетия (РЮО), Республика Абхазия и Нагорно-Карабахская Республика.

Сопоставимость объектов анализа (как следствие ретроспективной институциональной и социально-экономической однородности развития республик) в дополнении с возможностями для проведения системного анализа (объекты исследования обладают схожей информационной базой данных социально-экономического развития) позволяет повысить уровень достоверности полученных результатов.

В исследовании использованы методы: дескриптивного, компаративного и статистического анализа, а также аналитического обобщения.

На первом этапе на основе официальной информации органов государственной статистики была сформирована база данных по социально-экономическим показателям развития республик. Её основу составили показатели Целей в области устойчивого развития (ЦУР), предлагаемых ООН. В республиках не осуществляется статистический учёт показателей ЦУР, поэтому для анализа выбраны показатели, которые максимально точно отражают цели и задачи Повестки дня в области устойчивого развития, будучи наиболее близкими по значению и методологии расчёта показателям ЦУР.

Выбранные показатели сгруппированы нами по характеру отражаемого ими явления: абсолютные (абс.), удельно-весовые (вес.) и динамические (динамич.). Это позволило определить условия саморазвития республик.

На втором этапе был выполнен ретроспективный анализ социально-экономического развития республик в разрезе глобальных показателей достижения ЦУР, охватывающих основные сферы жизнедеятельности государств: здравоохранение; наука и образование; жилищно-коммунальное и сельское хозяйство; инженерная инфраструктура; государственное управление. Анализ проводился по группам показателей, притом доля абсолютных показателей в общем объёме составила 29% (12 показателей, шесть ЦУР), удельно-весовых – 41% (17 показателей, семь ЦУР), динамических – 29% (12 показателей, семь ЦУР).

Третий этап был нацелен на выявление посредством ретроспективного анализа основных тенденций социально-экономического развития республик. При этом в зависимости от характера распределения количественных данных по каждой республике использовались параметрические и непараметрические методы анализа. В связи с ограниченностью объёма выборки двенадцатью годами для проверки данных на нормальность распределения использовался критерий Шапиро-Уилка.

На четвёртом этапе с помощью однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) и по расчёту критерия Краскела-Уоллиса были выделены и обоснованы общие и уникальные факторы социально-экономического развития республик. Исследуемым признаком анализа были показатели достижения ЦУР и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития; группирующим признаком – регион.

На пятом этапе сделаны выводы о перспективах и барьерах социально-экономического развития республик.

Информационную базу исследования составили данные статистических ежегодников за период с 2007 по 2019 г., итоги всеобщих переписей населения, а также официальные публикации о направлениях и приоритетах государственной политики в сфере социально-экономического развития.

Ретроспективный анализ

По значениям абсолютных показателей, характеризующих, с одной стороны, подушевое распределение ресурсов социальной (жилые помещения и объекты сферы здравоохранения) и финансовой инфраструктур, а с другой стороны – социально-демографические процессы (движение населения и уровень преступности) республики имеют статистически значимые отличия (см. табл. 1).

Таблица 1. Свод абсолютных показателей социально-экономического положения республик в 2007–2019 гг.

Table 1. A set of absolute indicators of the socio-economic situation of the Republics in 2007–2019.

ЦУР	Показатель	Республика Южная Осетия		Республика Абхазия		Нагорно-Карабахская Республика		P-value общ.*	P-value по группам*
		Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3		
3	Число больничных коек на тыс. чел.	19,57	11,55–20,311	7,48	7,44–8,155	4,69	4,60–4,72	p<0,001	p ₁₋₂ =0,015 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ =0,009
	Число врачей всех специальностей на тыс. чел.	5,31	5,11–5,44	2,81	2,69–3,08	2,44	2,42–2,55	p<0,001	p ₁₋₂ =0,014 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ =0,009
	Число среднего медицинского персонала на тыс. чел.	14,32	14,15–15,08	6,33	6,23–6,35	9,32	8,99–9,48	p<0,001	p ₁₋₂ <0,001 p ₁₋₃ =0,015 p ₂₋₃ =0,009
	Число мест в санаториях на тыс. чел.	0,79	0,71–0,86	2,99	2,62–20,47	p<0,001	...
6	Отпущено на 1 чел. воды населению, тыс. м3	61,21	46,28–62,31	26,28	21,99–28,33	p=0,005	...
8	Число кредитных организаций на тыс. чел.	0,06	0,05–0,07	0,09	0,098–0,099	p<0,001	...
10	Миграционное движение населения, на одного жителя								
	прибыло	0,003	0,002–0,027	0,002	0,0021–0,0029	0,006	0,004–0,007	p=0,002	p ₁₋₂ =0,132 p ₁₋₃ =0,475 p ₂₋₃ =0,001
	выбыло**	0,002 ± 0,002	0,001–0,003	0,002 ± 0,001	0,001–0,003	0,004 ± 0,001	0,004–0,005	p<0,001	p ₁₋₂ =0,96 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ <0,001
	Миграционный прирост, чел.	95	22–1170	144	69–272	312	(–)187–368	p=0,702	...
11	Жилищный фонд на тыс. чел., м2	35,57	34,03–35,99	26,59	26,28–29,37	p<0,001	...

ЦУР	Показатель	Республика Южная Осетия		Республика Абхазия		Нагорно-Карабахская Республика		P-value общ.*	P-value по группам*
		Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3		
16	Число зарегистрированных преступлений по группам, на тыс. человек:								
	умышленные убийства и покушения на убийства	0,16	0,09–0,22	0,13	0,08–0,17	0,021	0,02–0,03	p<0,001	p ₁₋₂ =0,99 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ <0,001
	изнасилования и покушения на изнасилования**	0,037±0,025	0,022–0,054	0,011±0,004	0,009–0,013	0,012±0,004	0,008–0,016	p=0,010	p ₁₋₂ =0,003 p ₁₋₃ =0,011 p ₂₋₃ =0,99

* H_0 : хотя бы в двух республиках между значениями рассматриваемых показателей имеются существенные различия.

** Поскольку значения показателей группы имеют нормальное распределение, в таблице даны их средние значения со стандартным отклонением, а также 95%-й доверительный интервал.

Рассчитано авторами по: *Абхазия в цифрах*. Статистический сборник за 2014, 2015, 2019. Управление государственной статистики Республики Абхазия. [Электронный доступ]. URL: <https://www.ugra.org/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Республики Южная Осетия*. 2011, 2015, 2018, 2020. Управление государственной статистики министерства экономического развития Республики Южная Осетия. [Электронный доступ]. URL: <https://ugosstat.ru/statisticheskij-sbornik-za-2020-g/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Арцаха*. 2009–2015, 2019, 2020. Сборник Национальной статистической службы РА. [Электронный доступ]. URL: <http://stat-nkr.am/index.php> (дата обращения: 20.10.2021).

Как следует из приведённых данных, Южная Осетия лучше обеспечена медицинским обслуживанием. Указанное преимущество РЮО, на наш взгляд, может быть обусловлено оттоком населения вследствие военных действий. Относительно повышения уровня здоровья населения (профилактики заболеваний) Южная Осетия отстает от Абхазии.

По уровню развития финансовой инфраструктуры Республика Абхазия заметно опережает РЮО.

Относительно миграционной динамики стоит подчеркнуть, что, несмотря на статистически значимую разницу в притоке (между Абхазией и Нагорным Карабахом) и оттоке (между РЮО, Республикой Абхазия и Нагорно-Карабахской Республикой) населения, статистически значимой разницы между республиками не обнаружено. Тем не менее, если в РЮО и Республике Абхазия после 2014 г. наблюдается устойчивая тенденция превышения числа прибывших к числу покинувших страну; в среднем за 2015–2019: в РЮО на 1,5 тыс. чел., Республике Абхазии на 202 чел., то в Нагорно-Карабахской Республике с 2016 г. наблюдается тенденция обратная – в среднем за 2016–2019 разница между прибывшими и покинувшими страну составляет (–) 209 чел. (см. рис. 1).

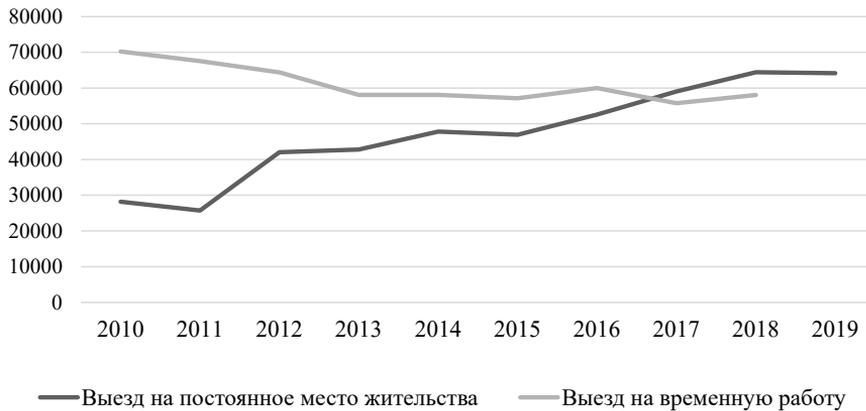

Рисунок 1. Миграционный прирост республик за 2007–2019, чел.

Figure 1. Migration growth of the Republic for 2007–2019, ppl.

Составлено по: *Абхазия в цифрах*. Статистический сборник за 2015, 2019. Управление Государственной Статистики Республики Абхазия. [Электронный доступ]. URL: <https://www.ugsra.org/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Республики Южная Осетия*. 2011, 2015, 2018, 2020. Управление государственной статистики министерства экономического развития Республики Южная Осетия. [Электронный доступ]. URL: <https://ugosstat.ru/statisticheskij-sbornik-za-2020-g/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Арцаха (Нагорно-Карабахской Республики)*. 2007–2013; 2009–2015; 2020. Сборник Национальной Статистической Службы РА. [Электронный доступ]. URL: <http://stat-nkr.am/index.php> (дата обращения: 20.10.2021).

Объём жилищного фонда РЮО и Нагорно-Карабахской Республики также имеет существенные различия: к 2019 г. последняя располагала на 18% меньшим объёмом жилых построек на тысячу жителей. При этом в 2014–2019 гг. темпы строительства в Нагорном Карабахе были выше и составляли в среднем около 2,5% (в РЮО – 2,3%). Однако статистически значимой разницы в темпах прироста жилищного фонда двух республик не выявлено (см. табл. 3).

Наиболее высоким уровнем преступности отличается РЮО, а наименьшее число преступлений на тысячу жителей зафиксировано в Нагорно-Карабахской Республике.

Структурный анализ

Авторы установили статистически значимые различия в эколого-экономических (объём выработки электроэнергии; площадь лесных массивов, включая территории заповедников, и сельхозземель), социально-демографических (в первую очередь уровня развития человеческого потенциала) и финансовых (суммы доходов и расходов государственных бюджетов) показателях республик (см. табл. 2).

Таблица 2. Свод удельных показателей социально-экономического положения Нагорно-Карабахской Республики, Республик Южная Осетия и Абхазия в 2007–2019.

Table 2. A set of specific indicators of the socio-economic situation of the Nagorno-Karabakh Republic, the Republic of South Ossetia and Abkhazia in 2007–2019.

ЦУР	Показатель	Республика Южная Осетия		Республика Абхазия		Нагорно-Карабахская Республика		P-value общ.*	P-value по группам*
		Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3		
1	Доля расходов государственного бюджета по статьям, % от общей суммы расходов госбюджета:								
	образование, наука, молодёжная политика, спорт и туризм	16,52	1,98 –19,78	16,65	11,76– 17,58	18,7	17,48– 19,12	p=0,131	...
	здравоохранение и социальная политика**	8,41± 5,63	4,83 –11,98	8,96± 2,62	7,29– 10,62	29,1± 2,52	27,58– 30,62	p<0,001	p ₁₋₂ =0,935 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ <0,001
2	Посевные площади (% от общей площади государства)	3,71	3,36 –3,75	0,79	0,67– 0,85	5,54	4,67– 5,92	p<0,001	p ₁₋₂ =0,007 p ₁₋₃ =0,025 p ₂₋₃ <0,001
4	Удельный вес численности:								
	детей, посещающих дошкольные учреждения (% от общей численности детей от 0 до 8 лет)	33,54	21,67– 38,27	18,49	13,56– 24,73	16,91	13,96– 18,10	p=0,003	p ₁₋₂ =0,076 p ₁₋₃ =0,003 p ₂₋₃ =0,813
	детей, обучающихся в средних общеобразовательных учреждениях (% от общей численности детей от 8 до 19 лет)**	106,1± 10,38	99,81– 112,36	75,31± 1,99	74,08– 76,81	77,44± 4,20	74,97– 80,00	p = 0,002	p ₁₋₂ =0,004 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ =0,587
	молодёжи в средних специальных учебных заведениях (% от общей численности молодёжи от 20 до 24 лет)	8,03	7,73– 8,28	8,61	7,84– 9,13	13,74	13,29– 15,60	p<0,001	p ₁₋₂ =0,791 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ <0,001
	молодёжи, обучающейся в вузах (% от общей численности молодёжи от 20 до 24 лет)	43,47	36,82– 56,40	17,03	15,57– 17,66	44,13	42,36– 56,29	p<0,001	p ₁₋₂ <0,001 p ₁₋₃ =0,99 p ₂₋₃ <0,001
	специалистов, выпущенных из вузов (% от численности поступивших в соответствующем году)**	113,69± 27,84	95,70– 128,73	99,26± 13,13	87,95– 105,00	79,71± 12,82	67,15– 90,52	P=0,005	p ₁₋₂ =0,298 p ₁₋₃ =0,003 p ₂₋₃ =0,119
7	Удельный вес от общего объёма выработанной электроэнергии:								
	потреблённой населением	42,71	41,22– 61,45	16,23	12,37– 25,85	46,99	35,62– 63,59	p<0,001	p ₁₋₂ <0,001 p ₁₋₃ =0,99 p ₂₋₃ <0,001
	потерь в электросетях	19,5	18,11– 23,20	9,54	8,17– 10,16	21,91	17,33– 35,74	p<0,001	p ₁₋₂ <0,001 p ₁₋₃ =0,99 p ₂₋₃ <0,001
11	Численность городского населения, % от общей численности населения	62,2	58,60– 63,25	50,3	49,80– 50,40	76,5	75,50– 82,70	p<0,001	p ₁₋₂ =0,056 p ₁₋₃ =0,0558 p ₂₋₃ <0,001

ЦУР	Показатель	Республика Южная Осетия		Республика Абхазия		Нагорно-Карабахская Республика		P-value общ.*	P-value по группам*
		Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3	Me	Q1 – Q3		
15	Площадь заповедников, % от общей площади государства	0,06	0,06–0,14	0,09	0,087–0,09	p=0,23	...
	Объём средств, выделяемых на охрану природы, % от общего объёма госрасходов	0,08	0,07–0,08	0,09	0,07–0,11	0,59	0,11–1,99	p=0,057	...
17	Объём государственных доходов, % от ВВП	297,24	157,81–703,07	30,21	28,77–33,56	17,50	16,45–19,74	p<0,001	p ₁₋₂ =0,032 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ =0,029
	Удельный вес поступлений от общего объёма доходов госбюджета:								
	налоговых поступлений	5,31	3,42–10,59	65,05	34,58–99,63	91,37	87,51–96,21	p<0,001	p ₁₋₂ <0,001 p ₁₋₃ <0,001 p ₂₋₃ =0,99
финансовой помощи РФ	84,81	81,92–88,94	20,64	14,84–25,02	p=0,001	p ₁₋₂ =0,196 p ₁₋₃ =0,001 p ₂₋₃ =0,477	

* H_0 : хотя бы в двух республиках между значениями показателей имеются существенные различия.

** В связи с тем, что значения показателей группы имеют нормальное распределение, в таблице даны их средние значения со стандартным отклонением, а также 95%-й доверительный интервал.

Расчитано авторами по: *Абхазия в цифрах*. Статистический сборник за 2014, 2015, 2018, 2019. Управление государственной статистики Республики Абхазия. [Электронный доступ]. URL: <https://www.ugsra.org/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Республики Южная Осетия*. 2011, 2015, 2018, 2020. Управление государственной статистики министерства экономического развития Республики Южная Осетия. [Электронный доступ]. URL: <https://ugostat.ru/statisticheskij-sbornik-za-2020-g/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Арцаха (Нагорно-Карабахской Республики)*. 2006–2012, 2007–2013, 2008–2014, 2009–2015, 2010–2016, 2018, 2020. Сборник Национальной Статистической Службы РА. [Электронный доступ]. URL: <http://stat-nkr.am/index.php> (дата обращения: 20.10.2021).

Республики имеют различную долю госбюджета в ВВП (см. рис. 2). Государственный бюджет Республики Южная Осетия за 2014–2019 гг. превышает объём ВВП в среднем на 64% (до 2014 превышение свыше 700%). Для сравнения: за 2007–2019 гг. медианные значения удельных весов госбюджетов в ВВП стран СНГ (имеющих единые с анализируемыми государствами исторические основы социально-экономического развития) составляли: Казахстан – 20,5% (Q1 = 19,1%; Q3 = 24,2%), Армения – 24,2% (Q1 = 23,7%; Q3 = 25,1%), Грузия – 26,9% (Q1 = 26,4%; Q3 = 27,8%), РФ – 39,3% (Q1 = 38,0%; Q3 = 40,9%), Азербайджан – 40,8% (Q1 = 37,5%; Q3 = 44,7%), Беларусь – 42,2% (Q1 = 41,4%; Q3 = 44,7%)³. Таким об-

³ The Global SDG Indicators Database. Goal 17. Strengthen the means of implementation and revitalize the Global Partnership for Sustainable Development. Target 17.1 Strengthen domestic resource mobilization, including through

разом, рассматриваемая часть бюджетной политики Нагорного Карабаха и Абхазии типична для стран постсоветского пространства, в которых выбранный «интервал оптимальности» доли бюджета в показателе ВВП составляет около 29,9% (Q1 = 25,1%; Q3 = 40,9%). В РЮО диспропорции в соотношении к ВВП государственного бюджета объясняются структурой источников его дохода.

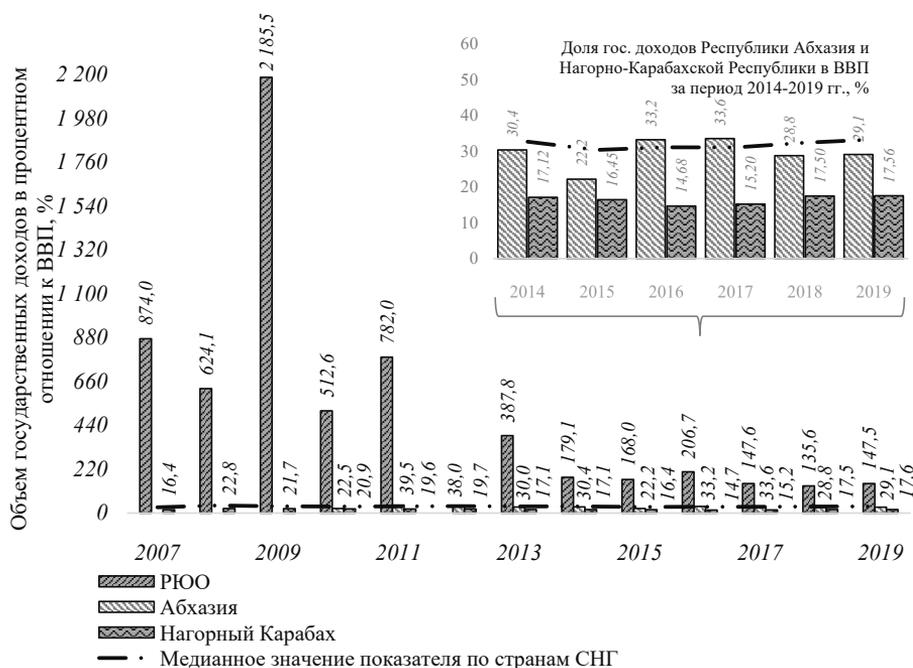

Рисунок 2. Удельный вес государственных бюджетов Республик в ВВП в 2007–2019, %

Figure 2. The share of the state budgets of the Republics in GDP in 2007–2019, %

Составлено авторами по: Абхазия в цифрах. Статистический сборник за 2014, 2015, 2018, 2019 гг. Управление Государственной Статистики Республики Абхазия. [Электронный доступ]. URL: <https://www.ugra.org/> (дата обращения: 20.10.2021); Статистический ежегодник Республики Южная Осетия. 2011, 2015, 2018, 2020 гг. Управление государственной статистики министерства экономического развития Республики Южная Осетия. [Электронный доступ]. URL: <https://ugosstat.ru/statisticheskij-sbornik-za-2020-g/> (дата обращения: 20.10.2021); Статистический ежегодник Арцаха (Нагорно-Карабахской Республики). 2006–2012, 2007–2013, 2008–2014, 2009–2015, 2010–2016, 2018, 2020. Сборник Национальной Статистической Службы РА. [Электронный доступ]. URL: <http://stat-nkr.am/index.php> (дата обращения: 20.10.2021).

Если основную долю доходов бюджетов Абхазии и Нагорного Карабаха составляют налоговые поступления (65% и 90% соответственно), то бюджет Юж-

ной Осетии в среднем на 84% пополняется за счёт финансовой помощи России, которая предоставляется в рамках Инвестиционной программы содействия социально-экономическому развитию РЮО. Аналогичная программа действует и в Республике Абхазия.

Объёмы расходов бюджета РЮО и Республики Абхазия похожи по социально значимым статьям: образование и здравоохранение. Почти втрое выше финансирование сферы здравоохранения в Нагорном Карабахе.

Республики имеют статистически значимые отличия по социально-демографическим характеристикам. В частности, большая часть населения РЮО и Нагорно-Карабахской Республики сосредоточена в городах, а в Республике Абхазии – в сельской местности.

По уровню образования населения также имеются статистически значимые различия. В РЮО численность детей, посещающих дошкольные учреждения, почти на 17% выше, чем в Нагорно-Карабахской Республике. Значимы также отличия в удельных весах численности детей, обучающихся в средних общеобразовательных учреждениях, однако Нагорно-Карабахская Республика характеризуется высоким уровнем удельного веса молодёжи, обучающейся в средних специальных учебных заведениях.

Наименьшая доля студентов вузов в Абхазии, а удельный вес выпущенных специалистов в РЮО выше, чем в Нагорном Карабахе.

По уровню энергообеспеченности населения Абхазия отстаёт от Южной Осетии и Нагорного Карабаха, при этом удельный вес потерь электроэнергии в электросетях в Абхазии ниже.

Динамический анализ

В Абхазии темп роста ВВП на душу населения существенно ниже, чем в Южной Осетии и тем более – в Нагорном Карабахе. За исключением этого обстоятельства показатели, характеризующие динамику социально-экономического развития, не обнаруживают статистически значимых различий (см. табл. 3).

Таблица 3. Динамика показателей (темпы роста в % к предыдущему году), характеризующих социально-экономическое положение Республик, 2007–2019.

Table 3. Dynamics of indicators (growth rates in % to the previous year) characterizing the socio-economic situation of the Republics, 2007–2019.

ЦУР	Показатель	Республика Южная Осетия		Республика Абхазия		Нагорно-Карабахская Республика		P-value общ.*	P-value по группам*
		Me	Q1 - Q3	Me	Q1 - Q3	Me	Q1 - Q3		
2	ИПЦ на продовольственные товары**	108,47± 6,11	102,06– 114,88	109,12± 5,17	105,99– 112,25	104,45± 5,27	101,27– 107,64	p=0,086	...

ЦУР	Показатель	Республика Южная Осетия		Республика Абхазия		Нагорно-Карабахская Республика		P-value общ.*	P-value по группам*
		Me	Q1 - Q3	Me	Q1 - Q3	Me	Q1 - Q3		
4	Рост числа учителей в общеобразовательных учреждениях**	1,20± 6,21	(-) 2,74– 5,15	0,62± 3,85	(-) 1,83– 3,07	(-) 0,27± 2,29	(-) 1,73– 1,18	p = 0,714	...
	Изменение отношения числа выпущенных специалистов к числу, поступивших в вуз в соответствующем году	-0,001	(-) 0,234– 0,161	0,023	(-) 0,053– 0,041	0,014	(-) 0,035– 0,031	p = 0,948	...
8	ВВП на душу населения	11,6	6,49– 17,33	4,47	3,50– 9,11	15,78	9,96– 28,75	p=0,034	p ₁₋₂ =0,31 p ₁₋₃ =0,98 p ₂₋₃ =0,03
	ВВП на одного занятого	11,08	6,99– 41,26	3,59	(-) 0,47– 10,95	13,7	7,47– 27,25	p=0,101	...
	Динамика отношения численности занятого населения к общей численности населения	0,30	(-) 0,55– 1,66	0,24	(-)0,19– 0,44	1,08	(-) 0,62– 1,54	p= 0,493	...
9	Динамика автомобильного транспорта								
	пассажирооборот	5,5	(-) 2,47– 9,25	3,87	2,08– 10,56	7,85	4,07– 10,02	p=0,555	...
	грузооборот	(-) 36,48	(-) 59,49– (-) 0,63	10,99	2,62– 17,38	8,07	2,36– 13,01	p=0,098	...
11	Прирост жилищного фонда	1,79	0,48– 3,38	1,11	0,63– 2,73	p=0,897	...
17	Динамика удельного веса поступлений от общего объема доходов госбюджета:								
	налоговых поступлений	10,12	(-) 12,70– 157,59	0,24	(-) 5,26– 6,89	1,26	(-) 0,12– 2,68	p=0,636	...
	финансовой помощи РФ	0,59	(-) 5,78– 5,04	2,68	(-) 22,85– 14,73	p=0,554	...
	заимствованных средств	38,19	(-) 48,81– 88,11		

* H_0 : хотя бы в двух Республиках между значениями рассматриваемых показателей имеются существенные различия.

** В связи с тем, что значения показателей группы имеют нормальное распределение, в таблице даны их средние значения со стандартным отклонением, а также 95 %-й доверительный интервал.

Рассчитано авторами по: *Абхазия в цифрах*. Статистический сборник за 2014, 2015, 2019, 2020. Управление государственной статистики Республики Абхазия. [Электронный доступ]. URL: <https://www.ugsra.org/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Республики Южная Осетия*. 2011, 2015, 2018, 2020. Управление государственной статистики министерства экономического развития Республики Южная Осетия. [Электронный доступ]. URL: <https://ugostat.ru/statisticheskij-sbornik-za-2020-g/> (дата обращения: 20.10.2021); *Статистический ежегодник Арцаха (Нагорно-Карабахской Республики)*. 2006–2012, 2007–2013, 2008–2014, 2009–2015, 2018, 2020. Сборник Национальной Статистической Службы РА. [Электронный доступ]. URL: <http://stat-nkr.am/index.php> (дата обращения: 20.10.2021).

Обобщение результатов

Республики имеют статистически значимые различия в уровнях достижения пяти из тринадцати Целей устойчивого развития, а именно: обеспечение продовольственной безопасности; здорового образа жизни и содействие благополучию; всеохватного и справедливого качественного образования; содействие построению миролюбивого и открытого общества; укреплению средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнёрства.

Максимальная доля посевных площадей от площади государства на фоне самой низкой динамики роста цен на потребительские товары наблюдается в Нагорно-Карабахской Республике. Максимальная степень обеспеченности населения услугами сферы здравоохранения достигнута в РЮО, а также в Республике Абхазия – с точки зрения профилактики заболеваний. По охвату детей и подростков дошкольным и школьным образованием, а также динамике роста числа учителей лидирует РЮО, но республика отстаёт по показателям охвата молодёжи средним и высшим профессиональным образованием, достигнутым Нагорно-Карабахской Республикой. Уровень преступности в РЮО в 2,5 раза выше, чем в Абхазии и Нагорном Карабахе. Многократно превышающий ВВП страны объём государственных доходов наблюдается в РЮО – за счёт инвестиций РФ. Традиционная модель финансирования госбюджета за счёт налоговых поступлений характерна только для Нагорно-Карабахской Республики.

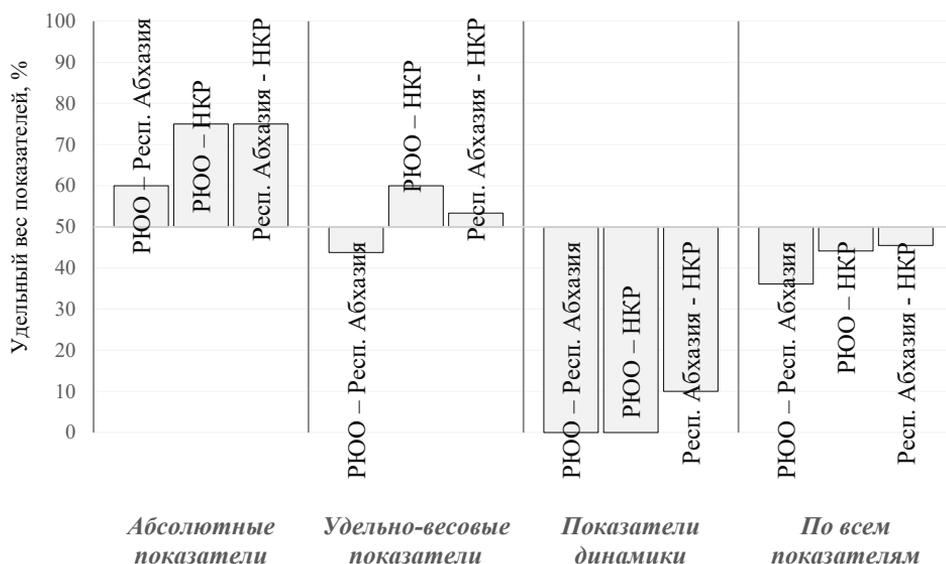

Рисунок 3. Удельный вес показателей, значения которых имеют статистически значимые различия между Республиками, %.

Figure 2. The proportion of indicators whose values have statistically significant differences between the Republics, %.

Составлено авторами.

Республики в одинаковой степени достигли реализации двух ЦУР: создание надёжной инфраструктуры; защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию. Последнее можно объяснить значительным снижением экономической активности после распада СССР.

Республики находятся на разном уровне экономического и социально-демографического развития. Некоторые черты сходства обнаруживают Южная Осетия и Абхазия (см. рис. 3), что может объясняться общей геополитической основой. Республики существенно различаются по объёму и структуре госбюджетов, по степени обеспеченности населения объектами социальной, финансовой и энергетической инфраструктуры.

Отмеченные сходства и различия в факторах социально-экономического развития республик, по мнению авторов, во многом обусловлены способностью их руководства эффективно использовать свой экономический потенциал, имеющиеся ресурсы, а также преимущества геополитического и экономико-географического положения. Исследование показало, что республики представляют собой специфический феномен, возникший в результате распада Советского Союза, имеющий схожую историю, уникальное геополитическое положение и общие цели развития. При этом способы и этапы их достижения в каждой республике имеют свои особенности, инструменты и результативность. Отметим, что борьба за независимость не всегда означает, с одной стороны, отдаление от одного государства, а с другой – готовность присоединиться к государству, оказывающему экономическую и политическую поддержку.

Нагорный Карабах отличается от Осетии и Абхазии не только по наполнению и использованию госбюджета и уровню развития инфраструктуры, но и в ключевых демографических показателях.

В-третьих, несмотря на высокую неоднородность статического социально-экономического положения исследуемых территорий, динамические показатели близки – за исключением темпов роста ВВП на душу населения, по которым сильно отличны друг от друга Абхазия и Нагорный Карабах.

* * *

На основе проведённого сравнительного анализа авторами были расширены представления об особенностях развития непризнанных и частично признанных республик Кавказа и установлены общие и уникальные детерминанты, обуславливающие особенности саморазвития каждой республики. Показано, что в основе установленных различий находится эффект дифференцированной базы (основные статистически значимые различия исследуемых государств были определены в абсолютных и удельно-весовых показателях), тогда как динамика процессов, происходящих в республиках, существенных различий между ними не демонстрирует.

Об авторах:

Андрей Геннадьевич Шеломенцев – доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», 690014, ДФО, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41. E-mail: a.shelom@gmail.com

Ксения Сергеевна Гончарова – кандидат экономических наук, отдел исследований региональных социально-экономических систем, Институт экономики Уральского отделения РАН, 620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29. E-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ и МОН РЮО № 20-514-07001 «Факторы и механизмы саморазвития молодого государства в условиях экономической изоляции (на примере Республики Южная Осетия)».

UDC: 327
Received: August 10, 2021
Accepted: October 11, 2021

Factors of Socio-Economic Development of Partially Recognized and Unrecognized Republics of the Caucasus

A.G. Shelomentsev¹, K.S. Goncharova²
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-5-80-203-223](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-5-80-203-223)

¹ Vladivostok state university of economics and service, Vladivostok, Russia.

² Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Abstract: Particular and general factors determine the dynamics and trends of endogenous development of three unrecognized and partially recognized republics of the Caucasus – the Republic of South Ossetia (RSO), Abkhazia, and the Nagorno-Karabakh Republic. The article identifies critical factors and assesses prospects for endogenous socio-economic development of an unrecognized and partially recognized Republics of the Caucasus. It uses comparative and statistical methods, namely, one-factor analysis of variance (ANOVA) and the Kraskel-Wallis Criterion. A database developed for this study uses a set of indicators of the UN Sustainable Development Goals (SDGs) for 2007 to 2019 as a formalized universal and balanced system of global determinants. We found that differences in the achieved UN SDGs indicators can be accounted for by the variety of each state's initially socio-economic situation (the effect of a differentiated base). At the same time, the research shows that the dynamics of the development of the Caucasian republics are similar, which determines a commonality of trends of their future (while maintaining current conditions and circumstances). The study results expand our understanding of the development of unrecognized and partially recognized states. It shows that one has to consider this propensity of the

Caucasian states to self-development when justifying measures for improving their socio-economic situation and increasing the effectiveness of investment programs implemented jointly with the Russian Federation to promote the socio-economic development of the RSO and the Republic of Abkhazia.

Keywords: partially recognized states, de facto states, socio-economic development of territories, factors of self-development, the republics of the Caucasus, the Republic of South Ossetia, the Republic of Abkhazia, the Nagorno-Karabakh Republic

About the authors:

Andrei G. Shelomentsev – Doctor of Economics, Professor, Department of Economics and Management, Vladivostok state university of economics and service, 41 Gogolya st., Vladivostok 690014 Russia, e-mail: a.shelom@gmail.com

Kseniya S. Goncharova – Candidate of Economic Sciences, Research Assistant of the Department for the Study of Regional Socio-Economic Systems, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, Russia, 620014, e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com

Conflict of interest:

The authors declare absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The study was carried out with the financial support of a grant from Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia № 20-514-07001 «The young state self-development factors and mechanisms in the economic isolation conditions (by the South Ossetia Republic example)».

References:

- Ambrosio T., Lange W. A. 2016. The Architecture of Annexation? Russia's Bilateral Agreements with South Ossetia and Abkhazia. *Nationalities Papers*. 44(5). P. 673–693. DOI: 10.1080/00905992.2016.1203300.
- Ayunts A., Zolyan M., Zakaryan T. 2016. Nagorny Karabakh Conflict: Prospects for Conflict Transformation. *Nationalities Papers*. 44(4). P. 543–559. DOI: 10.1080/00905992.2016.1157158
- Bakke K.M., Linke A.M., O'Loughlin J., Toal G. 2018. Dynamics of State-Building after War: External-Internal Relations in Eurasian De Facto States. *Political Geography*. №63. P. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011.
- Beacháin D.Ó, Comai G., Tsursumia-Zurabashvili A. 2016. The Secret Lives of Unrecognised States: Internal Dynamics, External Relations, and Counter-Recognition Strategies. *Small Wars & Insurgencies*. 27(3). P. 440–466. DOI: 10.1080/09592318.2016.1151654
- Berg E., Kuusk E. 2010. What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society. *Political Geography*. 29(1). P. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005.
- Blakkisrud H., Kolstø P. 2012. Dynamics of De Facto Statehood: the South Caucasian De Facto States between Secession and Sovereignty. *Southeast European and Black Sea Studies*. 12(2). P. 281–298. DOI: 10.1080/14683857.2012.686013
- Caspersen N. 2015. Degrees of Legitimacy: Ensuring Internal and External Support in the Absence of Recognition. *Geoforum*. №66. P. 184–192. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.10.003.
- Caspersen N., Stansfield G. 2012. *Unrecognized States in the International System*. Exeter Studies in Ethno Politics. University of Exeter. UK. Taylor & Francis. 261 p.

Doboš B., Riegl M. 2020. Neomedievalism and International Recognition: Explaining the Level of Recognition Via Networking. Riegl M., Doboš B. (eds). *Perspectives on Secession. Frontiers in International Relations*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-48274-9_5

Emerson R. 1971. Self-Determination. *American Journal of International Law*. 65(3). P. 459–475. DOI: 10.2307/2198970

Harguindéguy J.-B., Sánchez E.S., Sánchez A.S. 2021. Why do Central States Accept Holding Independence Referendums? Analyzing the Role of State Peripheries. *Electoral Studies*. №69. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102248.

Harzl B. 2018. *The Law and Politics of Engaging De Facto States: Injecting New Ideas for an Enhanced EU Role*. Washington, DC. Center for Transatlantic Relations. 91 p.

Heraclides A. 2020. Self-determination and Secession: the Normative Discourse Yesterday and Today. Riegl M., Doboš B. (eds). *Perspectives on Secession. Frontiers in International Relations*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-48274-9_2

Kereselidze N. 2015. The Engagement Policies of the European Union, Georgia and Russia towards Abkhazia. *Caucasus Survey*. 3(3). P. 309–322. DOI: 10.1080/23761199.2015.1102451

Monastiriotis V., Zilic I. 2020. The Economic Effects of Political Disintegration: Lessons from Serbia and Montenegro. *European Journal of Political Economy*. №65. DOI: 10.1016/j.ej-poleco.2020.101938.

Olsson O., Baaz M. E., Martinsson P. 2020. Fiscal Capacity in “post”-Conflict States: Evidence from Trade on Congo River. *Journal of Development Economics*. №146. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2020.102506.

Oltramonti G. P. 2020. The Viability of De Facto States: Cases from the Caucasus and the Horn of Africa. Riegl M., Doboš B. (eds). *Perspectives on Secession. Frontiers in International Relations*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-48274-9_8

Pegg S., Kolstø P. 2015. Somaliland: Dynamics of Internal Legitimacy and (Lack of) External Sovereignty. *Geoforum*. №66. P. 193–202. DOI: 10.1016/j.geoforum.2014.09.001.

Pigliucci M. 2020. “Free Trieste Movement”: a First Russian Intervention in Domestic Politics of a Western Country? Riegl M., Doboš B. (eds). *Perspectives on Secession. Frontiers in International Relations*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-48274-9_10.

Qvortrup M. 2020. Democracy, Realism and Independence Referendums. Riegl M., Doboš B. (eds). *Perspectives on Secession. Frontiers in International Relations*. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-48274-9_4

Relitz S. 2019. The Stabilisation Dilemma: Conceptualizing International Responses to Secession and De Facto States. *East European Politics*. 35(1). P. 1–21. DOI: 10.1080/21599165.2019.1580191.

Toomla R. 2016. Charting Informal Engagement between De Facto States: a Quantitative Analysis. *Space and Polity*. 20(3). P. 330–345. DOI: 10.1080/13562576.2016.1243037

Vanschoonbeek J. 2020. Regional (In)stability in Europe a Quantitative Model of state Fragmentation. *Journal of Comparative Economics*. 48(3). Pp. 605–641. DOI: 10.1016/j.jce.2020.01.001.

Bashmakova E.P., Toropushina E.E. 2019. Sotsialnoe predprinimatelstvo kak faktor samorazvitiya territoriy rossiyskoy Arktiki [Social Business as a Factor of Self-Development of the Russian Arctic Territories]. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*. 9(4). P. 481–496. (In Russian)

Belyaev, V.I., Bocharov S.N., Chernysheva E. V. 2015. O znachenii marketinga territorij dlya obespecheniya vosproizvodstvennyh processov v regione [On the Importance of Territory Marketing for Ensuring Reproduction Processes in the Region]. *Fundamental research*. 11(3). P. 544–548. (In Russian)

Borodin V.A., Erohin A.V. 2015. Regional'naya integraciya kak faktor povysheniya potenciala samorazvitiya Territorii [Regional Integration as a Factor of Increasing the Potential of Self-Development of the Territory]. *Regional Economics: theory and practice*. №47. P. 2–12. (In Russian)

Voroshilov N.V. 2017. Vozmozhnosti i perspektivy samorazvitiya municipal'nyh obrazovaniy [Opportunities and Prospects for Self-Development of Municipalities]. *Problems of territory's development*. 4(90). P. 79–95. (In Russian)

Zharikov E.P. 2015. Ekonomika okrainnogo regiona v usloviyah transgranichnosti [The Economy of the Marginal Region in the Conditions of Cross-Border]. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 17(3). P. 69–76. (In Russian)

Kislaya T.N., Golubcova O.A. 2017. Mekhanizm formirovaniya strategii samorazvitiya nepriznannoj Respubliki [The Mechanism of Formation of the Strategy of Self-Development of the Unrecognized Republic]. *Vestnik fakul'teta upravleniya SPbGUEU*. №2. P. 30–39. (In Russian)

Kolosovskij A. M. 2010. Vospitanie natsii. O problemah, sderzhivayushchih innovacionnoe predprinimatel'stvo, kak faktora samorazvitiya territorij [Education of the Nation. About the Problems that Hinder Innovative Entrepreneurship as a Factor of Self-Development of territories]. *Kreativnaya ekonomika*. 2(38). P. 27–33. (In Russian)

Korchak E. A., Skuf'ina T. P. 2018. Trudovoj potencial kak social'nyj faktor samorazvitiya regionov i mestnyh soobshchestv Arkticheskoy zony Rossii [Labor Potential as a Social Factor of Self-Development of Regions and Local Communities of the Arctic Zone of Russia]. *Theory and Practice of Social Development*. 10(128). P. 44–48. DOI: 10.24158/tipor.2018.10.7. (In Russian)

Kovalchuk Yu., Stepnov I. 2019. Research of the Technological Future's Uncertainty. *MGIMO Review of International Relations*. 12(6). P. 214–224. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-214-224

Minakov A.V. 2020. Ocenka sovremennoy sostoyaniya finansovoy ustojchivosti byudzhethnoj sistemy Rossii [Assessment of the Current State of Financial Stability of the Budget System of Russia]. *The Eurasian Scientific Journal*. 12(3). P. 1–12. (In Russian)

Molchanova M. Yu. 2013. Kriterii samorazvitiya regionov kak osnova formirovaniya mezhyudzhethnyh otnoshenij [Criteria of Self-Development of Regions as the Basis of Formation of Interbudgetary Relations]. *Fundamental research*. № 6–1. P. 131–135. (In Russian)

Najdenova T.A., Shvecova I.N. 2017. Metodicheskij instrumentarij ocenki finansovoy ustojchivosti byudzhetrov sub"ektov Rossijskoj Federacii [Methodical Toolkit for the Assessment of the Russian Federation Constituent Territories' Financial Stability]. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. №2. P. 222–233. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.17. (In Russian)

Rumyanecv A.A. 2015. Nauchno-innovacionnoe prostranstvo makroregiona: perspektivy innovacionnogo razvitiya territorij [Scientific and Innovative Space of the Macroregion: Prospects for Innovative Development of Territories]. *Studies on Russian Economic Development*. 4(151). P. 85–95. (In Russian)

Syatchihin S.V. 2015. Social'nyj kapital kak faktor samorazvitiya territorij [Social Capital as a Factor of Self-Development of Territories]. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 25(1). P. 103–109. (In Russian)

Tishkina T.M. 2017. Harakteristika potenciala social'nogo partnerstva kak faktora samorazvitiya territorii [Characteristics of the Potential of Social Partnership as a Factor of Self-Development of the Territory]. *Kontentus*. 1(54). P. 52–62. (In Russian)

Toropushina E.E. 2018. Social'naya infrastruktura kak faktor samorazvitiya territorii rossijskoj Arktiki [Social Infrastructure as a Factor of Self-Development of the Territory of the Russian Arctic]. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka*. 5(61). P. 14–23. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.14-23. (In Russian)

Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V., Dzhabiev V.V., Goncharova K.S. 2021. Endogenous factors of socio-economic development of the Republic of South Ossetia (an unrecognized state) in the conditions of economic isolation. *Human Progress*. 7(1). DOI: 10.34709/IM.171. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Башмакова Е.П., Торопушина Е.Е. 2019. Социальное предпринимательство как фактор саморазвития территорий российской Арктики. *Экономика, предпринимательство и право*. 9(4). С. 481–496.

Беляев В.И., Бочаров С.Н., Чернышева Е.В. 2015. О значении маркетинга территорий для обеспечения воспроизводственных процессов в регионе. *Фундаментальные исследования*. 11(3). С. 544–548.

Бородин В.А., Ерохин А.В. 2015. Региональная интеграция как фактор повышения потенциала саморазвития Территории. *Региональная экономика: теория и практика*. №47. С. 2–12.

Ворошилов Н.В. 2017. Возможности и перспективы саморазвития муниципальных образований. *Проблемы развития территории*. 4(90). С. 79–95.

Жариков Е.П. 2015. Экономика окраинного региона в условиях трансграничности. *Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право*. 17(3). С. 69–76.

Кислая Т.Н., Голубцова О.А. 2017. Механизм формирования стратегии саморазвития непризнанной Республики. *Вестник факультета управления СПбГЭУ*. №2. С. 30–39.

Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. 2019. Исследование неопределённости технологического будущего. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(6). С. 214–224. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-214-224

Колосовский А.М. 2010. Воспитание нации. О проблемах, сдерживающих инновационное предпринимательство, как фактора саморазвития территорий. *Креативная экономика*. 2(38). С. 27–33.

Корчак Е.А., Скуфьина Т.П. 2018. Трудовой потенциал как социальный фактор саморазвития регионов и местных сообществ Арктической зоны России. *Теория и практика общественного развития*. 10(128). С. 44–48. DOI: 10.24158/tipor.2018.10.7.

Минаков А.В. 2020. Оценка современного состояния финансовой устойчивости бюджетной системы России. *Вестник евразийской науки*. 12(3). С. 1–12.

Молчанова М.Ю. 2013. Критерии саморазвития регионов как основа формирования межбюджетных отношений. *Фундаментальные исследования*. 6(1). С. 131–135.

Найденова Т.А., Швецова И.Н. 2017. Методический инструментарий оценки финансовой устойчивости бюджетов субъектов Российской Федерации. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. №2. С. 222–233. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.17.

Румянцев А.А. 2015. Научно-инновационное пространство макрорегиона: перспективы инновационного развития территорий. *Проблемы прогнозирования*. 4(151). С. 85–95.

Сятчихин С.В. 2015. Социальный капитал как фактор саморазвития территорий. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*. 25(1). С. 103–109.

Тишкина Т.М. 2017. Характеристика потенциала социального партнёрства как фактора саморазвития территории. *Контентус*. 1(54). С. 52–62.

Торопушина Е.Е. 2018. Социальная инфраструктура как фактор саморазвития территории российской Арктики. Север и рынок: формирование экономического порядка. 5(61). С. 14–23. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.5.2018.61.14-23.

Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Джабиев В.В., Гончарова К.С. 2021. Эндогенные факторы социально-экономического развития Республики Южная Осетия (непризнанного государства) в условиях ее экономической изоляции. *Human Progress*. 7(1). DOI: 10.34709/HP.171.